

«ВЕЧНЫЕ» КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИДЕАЛЫ: НАСКОЛЬКО ОНИ НЕИЗМЕННЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ?

© 2020 г. Н. С. Бондарь

Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: bond@ksrf.ru

Поступила в редакцию 16.04.2020 г.

Аннотация. На основе анализа фундаментальных конституционных идеалов в статье предлагается авторское понимание их юридической природы, пределов неизменности, что потребовало аксиологической оценки самой Конституции в аспекте сочетания стабильности и динамизма как идеала правовой «вечности». Институционно-юридическое признание конституционных идеалов происходит прежде всего посредством закрепления основ конституционного строя, прав человека и гражданина, ценностей равенства, справедливости, достоинства личности, что составляет своего рода «метаюридическую» часть Основного Закона. В нормативном содержании этих институтов органически сочетаются правовые и нравственно-этические, национальные (социокультурные) и универсальные требования. Уже поэтому важно учитывать их различия в правовых системах общего и континентального права, что предопределяет различные критерии баланса интересов в поиске общего блага: экономический прагматизм, с одной стороны, и социальная справедливость – с другой. Эволюция Конституции РФ на основе приверженности фундаментальным идеалам, обеспечиваемая как законодателем, так и средствами конституционного судопроизводства и получившая реализацию по итогам конституционной реформы 2020 г., призвана стать фактором преодоления новых угроз праву и конституционному правопорядку, гарантией юридической стабильности, с одной стороны, и предпосылкой социокультурного динамизма «вечных» фундаментальных конституционных положений – с другой.

Ключевые слова: «вечные» (неизменные) конституционные идеалы, стабильность и динамизм Конституции РФ, конституционные поправки, конституционализм, конституционное судопроизводство, угрозы праву, достоинство личности, равенство, справедливость, публичная власть.

Цитирование: Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

DOI: 10.31857/S013207690009933-8

“ETERNAL” CONSTITUTIONAL IDEALS: HOW UNCHANGEABLE ARE THEY IN A CHANGING WORLD?

© 2020 N. S. Bondar

Constitutional Court of the Russian Federation, Saint Petersburg

E-mail: bond@ksrf.ru

Received 16.04.2020

Abstract. On the basis of the analysis of fundamental constitutional ideals as a special political and legal phenomenon the article dedicates to the author's understanding of their legal nature, limits of stability, and invariability. Such approach required an axiological assessment of the Constitution itself in terms of its stability and dynamism as a formal and legal ideal of legal "eternity". Institution and legal recognition of constitutional ideals is accomplished by fixing the foundations of the constitutional system, human and civil rights, values of equality, justice, dignity, constituting a kind of "metalegal" part of the Basic Law. The normative content of these categories inherently combines legal and moral-ethical, national (socio-cultural) and universal requirements; therefore, it is important to take into account their different nature in modern legal systems that determine different criteria for balancing interests in the search for the common good: economic pragmatism, on the one hand, and social justice – on the other.

The evolution of the Constitution of the Russian Federation based on adherence to fundamental ideals, provided by both the legislator and the means of constitutional proceedings and implemented within the framework of the constitutional reform in 2020 is meant to be a factor to overcome modern threats to the law and constitutional order and a prerequisite for stability, on the one hand, and dynamism for the future of "eternal" fundamental constitutional provisions – on the other.

Key words: "eternal" (unchangeable) constitutional ideals, stability and dynamism of the Constitution of the Russian Federation, constitutional amendments, constitutionalism, constitutional proceedings, threats to the law, personal dignity, equality, fairness, public authority.

For citation: Bondar, N.S. (2020). "Eternal" constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 20–34.

Постановка вопроса о «вечности», неизменности фундаментальных конституционных идеалов и соответствующих им положений Основного Закона – при кажущейся абстрактности, отвлеченности проблемы от реалий правовой жизни – предполагает анализ не только доктринально-познавательных начал, но и вполне конкретное практико-прикладное значение, имея в виду интерес как законодателя, так и в особенности конституционного судопроизводства к вопросам, касающимся степени, пределов неизменности, «вечности» тех или иных фундаментальных конституционных идеалов, а стало быть, и каких-то конкретных предписаний Конституции РФ как Основного Закона современного государства¹.

Применительно к Российской Федерации актуальность соответствующей проблематики очевидна еще и в связи с особенностями нынешнего этапа конституционно-правового развития государства; очевидно, что конституционные преобразования 2020 г. предполагают необходимость качественно нового уровня осмысления проблем развития Конституции РФ, ее стабильности и динамизма, в т.ч. в соотношении с неизменностью «вечных», фундаментальных конституционных идеалов. Этот тренд усиливается еще и тем обстоятельством, что при

всей количественной множественности и содержательном разнообразии конституционных изменений 2020 г. на старте конституционной реформы было подтверждено, что «потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека... ещё многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества»². Одновременно это является методологическим ключом для понимания нынешних конституционных преобразований как перехода от политических иллюзий 90-х годов XX в. к юридическому реализму при сохранении тех фундаментальных («вечных») конституционных идеалов, которые изначально были заложены в Конституции РФ.

Но являются ли они в буквальном смысле неизменными и тем более «вечными», в т.ч. с учетом нормативно-правовой динамики не пользующихся повышенной защитой других структурных частей Конституции РФ, в т.ч. имея в виду их глубокие системные взаимосвязи в рамках Основного Закона как единого политико-правового документа? Если «да», то каковы правовые гарантии такой неизменности? Достаточны ли они?

1. Не все «вечное» – неизменно. Не вызывает сомнений, что сама постановка вопроса о «вечных», неизменных конституционных идеалах, ценностях подразумевает, прежде всего, уяснение глубинных философско-правовых, мировоззренческих начал современного конституционализма, которые имеют многовековую историю своего становления и развития, но на формально-юридическом уровне

¹ В этом плане, имея в виду практико-прикладные аспекты, уместно вспомнить, что в свое время в рамках традиционного Диалога судей высших судов России и Германии на состоявшемся в Санкт-Петербурге (18–21 апреля 2018 г.) Форуме одной из основных дискуссионных тем была проблема неизменных, вечных конституционных идеалов и принципов, в частности, в свете практики органов конституционного правосудия. Некоторые авторские идеи, высказанные на этом Форуме, представлены в настоящей статье.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Росс. газ. 2020. 16 янв. С. 1–4.

получили признание в качестве таковых только в правовых документах новой, конституционной, эпохи. В современном же восприятии соответствующих идей и конституционных идеалов, в той или иной мере получающих фиксацию и реализацию в практике государственного строительства, это уже более прагматичные сопоставительные оценки закрепленных в конкретных конституционных нормах и институтах фундаментальных положений государственно-правового развития, анализ развития внутренних закономерностей соответствующих явлений в их временном и пространственном измерении, имея в виду не только формально-юридическую текстовую стабильность (хотя бы относительную), но и нормативно-правовую способность реагировать на изменение социальной действительности, динамизм, неизбежную эластичность «вечных» конституционных начал, их определенную отзывчивость на запросы не только правового характера.

В то же время динамизм «вечных» фундаментальных конституционных положений не может приводить к выхолащиванию их нормативного ядра, отрицанию самого их существования. В этом плане «вечность» в сфере конституционно-правовой жизни отнюдь не тождественна понятию «неизменность», что подтверждается также и практикой современного конституционализма. Не случайно во многом именно в данном контексте получила обоснование концепция «неизменных положений» конституции в соотношении с проблемой недопустимости «неконституционных изменений»³.

Очевидно, что под «вечностью» в данном случае понимается не абсолютная пространственно-временная неизменная бесконечность в координатах многовековой конституционной истории развития цивилизации. Это лишь своего рода «дискреционная вечность» существования того или иного правового явления (идеала, принципа, ценности) в текущем, ограниченном во времени их восприятии поколением современников, для которых в качестве (и в измерении) «вечности» воспринимается прежде всего «своя жизнь», жизнь современников твоего поколения. Это тем более важно учитывать, если иметь в виду, что фундаментальные конституционные положения обладают наряду с нормативно-правовым содержанием высоким уровнем

концентрации — всегда так было, есть и будет — политико-идеологических, нравственно-этических, социокультурных начал конкретно-исторического характера. В этом смысле оценка «вечных» фундаментальных конституционных идеалов имеет не только правовое, но и социально-политическое, историческое измерение, которое является подвижным, ситуационным. Поэтому нельзя не согласиться с древней мудростью, что «*все настоящее — мгновение вечности*» (Марк Аврелий); соответственно, и сама по себе «вечность» фундаментальных конституционных идеалов, в частности, с точки зрения нормативно-правовых и иных координат времени (включая время «жизни» конституционных идей), не бесконечна, по крайней мере с точки зрения дискретности самой жизни, в т.ч. в правовых формах ее существования.

В этом отношении представляется важным хотя бы на уровне самого общего, во многом иррационального мировосприятия обратить внимание на те конституционно значимые аспекты метафизических категорий «неизменность», «вечность», «бесконечность», которые могут соотноситься с пространственно-временными характеристиками явлений социальной действительности как объектов конституционного воздействия и, более того, как бы определять (а в чем-то, возможно, и предопределять) непрерывность, бесконечность конституционно значимых фундаментальных идеалов.

Следует прежде всего учитывать, что фундаментальные конституционные идеалы могут соотноситься с характеристиками «вечных» и, стало быть, неизменных явлений лишь постольку, поскольку они в данную историческую эпоху сохраняют свою актуальность в сущностном социально-политическом контексте, а также в формально-юридическом, нравственно-этическом воздействии на реальные отношения и не превращаются в некие пережитки прошлого, остаются значимыми для нового поколения современников. Но это не означает, что соответствующие явления, определяемые с помощью данных понятий, остаются неподвижными, неизменными, не претерпевают то ли внутреннее, то ли подталкиваемое извне (в первую очередь политическими факторами) развитие.

Уже поэтому рассмотрение вопросов, связанных с фундаментальными конституционными началами, объективно связано с необходимостью уяснения факторов их динамизма, поскольку все, что существует в социальной действительности, находится в развитии и в этом смысле имеет преходящий характер, временное измерение.

В этом плане специфическое, не только формально-юридическое, но и социально-политическое, социокультурное значение приобретает учет контекста реализации, охраны и, в особенности,

³ Preuss U.K. The Implications of “Eternity Clauses”: The German Experience // Israel Law Review. Vol. 44. 2011. No. 3. P. 429–448; Jaclyn L. Neo. Should constitutional principles be eternal? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/opinion/should-constitutional-principles-be-eternal> (дата обращения: 13.03.2020); Roznai Y. Unconstitutional Constitutional Amendments — The Limits of Amendment Powers. Oxford, 2017 (Part II. Ch. 4, 5); Якобсон Г. Дж. Неконституционная конституция? Сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4 (57). С. 145–161.

развития фундаментальных конституционных идеалов, причем как на законодательном уровне, так и в практике конституционного судопроизводства. В частности, в конституционном судопроизводстве находят отражение нормативно-доктринальные начала преобразовательного воздействия на современное общество и государство с позиций гарантирования верховенства Конституции и реализации на этой основе фундаментальных конституционных идеалов, имея в виду, что они (при всей их, казалось бы, метафизичности) имеют вполне осязаемые юридические формы бытия.

Речь идет о том, что фундаментальные конституционные идеалы — не только доктринально-гносеологическая категория, но, получая признание в Конституции, они преобразуются в действующем законодательстве. Своего рода метаюридическим эквивалентом фундаментальных конституционных идеалов являются получающие закрепление в Основном Законе начала, программные положения, аксиомы, презумпции, наконец, это (что особенно важно) конституционные ценности. При всех очевидных различиях и специфике каждой из этих категорий их принадлежность к фундаментальным конституционным идеалам придает им и общие характеристики.

Во-первых, все они являются нормативными величинами наиболее высокого, абстрактно-обобщенного уровня.

Во-вторых, соответствующие категории, в которых воплощаются фундаментальные конституционные идеалы, имеют не только юридическое, высшее нормативно-правовое значение, но они содержат также политические начала, являются политико-правовыми величинами.

В-третьих, высокий удельный вес политических начал характерен и для процесса, механизмов реализации фундаментальных конституционных начал, что подтвердилось в т.ч. в ходе конституционной реформы 2020 г.

В-четвертых, фундаментальные конституционные идеалы и соответствующие им категориальные формы юридического закрепления в Основном Законе воплощают в себе единство нормативных и доктринальных начал.

Все эти и другие уникальные, метаюридические характеристики придают динамизм реализуемым на практике «вечным» фундаментальным конституционным идеалам как категории действующего законодательства. В Конституции РФ в концентрированном виде они закрепляются в Преамбуле, а также в гл. 1 и 2 и в этом качестве выполняют особые, прежде всего гарантийно-охранительные, а также, что особенно важно применительно к конституционному законодательству и к деятельности

Конституционного Суда РФ, аксиологические функции. Это получило свое подтверждение и своего рода легальное, конституционно-судебное обоснование в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии Закона РФ о поправке к Конституции РФ положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ⁴.

Важно при этом учитывать, что восприятие фундаментальных конституционных идеалов в качестве «вечных», неизменных — безотносительно к анализу всего многообразия их конкретных содержательных характеристик — во многом связано с исторической преемственностью философско-правового понимания сущностных характеристик не только отдельных институтов конституционно-правовой действительности, но и самой конституции как уникального явления современной цивилизации, которая является политико-правовым актом со своими особыми свойствами, позволяющими переводить на язык действующего законодательства, правовой идеологии и реальной политики многовековые идеалы личности, общества, государства.

2. Конституция как формально-юридический идеал «правовой вечности». При всем многообразии возможных подходов к обоснованию категории фундаментальных конституционных идеалов следует признать, что концентрированным выражением и одновременно — исходной правовой моделью таких положений является... сама конституция; именно она служит политико-правовым эталоном, ориентиром и одновременно — мерой власти и свободы, демократического обустройства общества и государства. В этом плане качества «вечности» присущи в первую очередь самой конституции как уникальному явлению, имея в виду прежде всего ее политико-юридические свойства, а не букву, текстовые характеристики (пусть даже самые демократичные, если таковые есть в современном мире).

«Вечность» формально-юридических свойств конституции зависит вместе с тем от предметных (содержательных) характеристик национальных фундаментальных конституционных идеалов, с одной стороны, и их исторической преемственности, предопределенности, степени нормативной стабильности и неизменности — с другой. Те или иные проявления эрозии, политико-правового размывания основополагающих свойств конституции — даже без изменения текста самих по себе «неприкосновенных» положений, пользующихся повышенной формально-юридической защитой, — неизбежно сказываются на устойчивости, стабильности, непротиворечивости содержательных

⁴ См.: Росс. газ. 2020. 17 марта. С. 4–6.

характеристик Основного закона как акта высшей юридической силы. Практика современного конституционализма свидетельствует, что увеличение удельного веса, усиление политико-идеологических, иных конъюнктурных начал в тексте конституции неизбежно сказывается в той или иной мере и на «неприкосновенных» структурных частях Основного закона, на его метаюридических характеристиках как акта, обладающего высшей юридической силой. Поэтому установление процедур, допустимых пределов пересмотра текста конституции имеет принципиальное значение для защиты, гарантирования неприкосновенности получивших юридическое признание в качестве фундаментальных основ конституционного устройства общества и государства.

Применительно к Конституции РФ 1993 г. из самого ее текста, грамматического толкования конституционно значимых понятий «поправки», «изменения» вытекает, что поправки к Конституции РФ должны касаться конкретных вопросов, относиться к отдельным нормам и институтам конституционного права, нуждающимся в «улучшении», «исправлении»⁵. Они могут приниматься, в частности, когда необходимость «исправления» текста Конституции продиктована убедительными причинами и предпосылками — как правовыми, формально-юридическими, так и политико-идеологическими. Но как быть в этом случае с фундаментальными конституционными положениями Основного закона? Содержат ли сами конституции, в т.ч. и Конституция РФ, внутренние механизмы обеспечения правовой и политической стабильности и неприкосновенности?

В формально-юридическом плане возможны по крайней мере два основных подхода к законодательному решению соответствующих вопросов, имея в виду, что само по себе выделение подобных положений в конституции предопределяет их особую значимость не только в конкретный период исторического развития (принятия) конституции, но и на неопределенное будущее с учетом правового потенциала конституции. Один из них — *предметный (материальный)*, предполагающий указание в самом тексте конституции на сферы (институты), которые составляют суть, незыблемую основу конституционного правопорядка государства и которые не могут быть изменены путем внесения поправок в конституцию. Такой подход, определяющий материальные пределы пересмотра конституции и соответственно защиты

ее фундаментальных начал, реализован, например, в Основном законе ФРГ, конституциях Мексики, Португалии, Италии и др. Иной подход, используемый в т.ч. и в Конституции РФ, — структурный — сводится к указанию на конкретные структурные части Конституции (главы, статьи), исключающие возможность внесения в них изменений. Логика такого подхода очевидна: именно в этих структурных частях Конституции (наряду с ее Преамбулой) в концентрированном виде закрепляются ее фундаментальные начала, которым «не могут противоречить» «никакие другие положения» Конституции РФ (ч. 2 ст. 16), хотя не исключены и другие варианты, в частности, когда текст конституции формально не содержит указания на неприкосновенные, «вечные» положения.

Вместе с тем сам по себе структурно-текстовый подход вряд ли может в полной мере гарантировать неизменность содержащихся в соответствующих главах фундаментальных конституционных положений; ведь конституция — целостный, единый акт, нормы которого находятся в системных, не только прямых, но и обратных связях. Поэтому, несмотря на то что Конституция РФ формально устанавливает запрет на пересмотр конкретных глав (ч. 1 ст. 135), очевидно, что такой запрет необходимо оценивать и в аспекте предметного содержания этих глав, в частности, с учетом нормативных характеристик институтов конституционного строя, прав человека и гражданина, равно как и принимая во внимание не упомянутую в ч. 1 ст. 135 Конституции РФ ее Преамбулу. По той же причине вряд ли можно признать убедительными высказывавшиеся как ранее, так и во время обсуждения конституционных поправок 2020 г., предложения преодолеть установленный ч. 1 ст. 135 Конституции РФ запрет на внесение поправок весьма специфичным способом, а именно: включить в Конституцию РФ дополнительные главы (посредством индексирования) как своего рода «продолжение» неприкосновенных первых двух глав⁶. Однако даже само название таких «дополнительных» глав (например, о гражданском обществе) свидетельствует, что вторжение в институты конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина было бы в этом случае неизбежным. Гражданское общество и есть материальное выражение основополагающих институтов конституционного строя.

При этом в связи с анализом признаваемых Конституцией РФ фундаментальных начал важно

⁵ Понятие «правиль» в русском языке имеет определенный, более конкретный (по сравнению с понятиями «изменение», «развитие») смысл, означающий — «исправить», «улучшить», «выпрямить» (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 506).

⁶ См.: *Авакьян С.А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: Грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44; *Румянцев О.Г.* 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 10–21.

учитывать, что эти характеристики проявляются сквозь призму не самих по себе конкретных норм и институтов, а прежде всего посредством юридических характеристик Конституции РФ как целостного в своих системных характеристиках уникального политико-правового явления. Благодаря им, в особенности учредительной природе Конституции, обеспечиваются статусная (конституционная) идентификация личности, общества и государства, легитимация национальных представлений (идеалов) о власти и свободе и на этой основе реализуется потенциал непрерывного (во времени и пространстве) влияния Конституции РФ на основные сферы социально-правовой действительности.

Принципиальная важность соответствующих свойств с точки зрения «вечности», «неизменности» самой Конституции РФ находит подтверждение в ее конкретных юридических характеристиках, как-то: верховенство Конституции, что предполагает неизменность, незыблемость ее особого места и значения как исходного и главенствующего источника национального законодательства; непрерывные, своего рода трансцендентные начала высшей юридической силы и прямого действия Конституции, что предполагает ее уникальную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции правовой иерархии и одновременно признание ее юридической самоценности, действительности независимо от степени конкретизации в текущем законодательстве; наконец, очевидной является фундаментальность учредительных свойств Конституции РФ, значение которых как «вечных», неизменных связана в конечном счете с самим назначением данного нормативного правового акта, утверждением и формированием на основе Конституции суверенной системы национальной государственности.

Благодаря стабильности, неизменности указанных свойств Конституции РФ и их наличию независимо от содержательных достоинств и недостатков конкретных конституционных положений обеспечивается устойчивость, стабильность государственно-правовой системы в целом, т.е. сами юридические качества Конституции РФ выполняют своего рода гарантирующие, охранительные функции. Соответствующие уникальные юридические свойства во многом должны влиять и на процедуры, равно как и пределы возможных поправок; в частности, концептуальное обоснование конституционных поправок должно ориентироваться на их социально-политическую и юридическую обоснованность, неизбежность, а не на то, что, по мнению тех или иных специалистов или представителей гражданского общества, неожиданно окажется, что «в ней есть много такого, что можно было

бы подправить»⁷. При таком подходе это было бы уже не внесение концептуально обоснованных поправок, а некое литературно-вкусовое «улучшение» текста Конституции РФ, его «редактирование», «дополнение» теми или иными положениями, отражающими интересы и ожидания отдельных социальных, профессиональных, конфессиональных, иных групп населения, что, кроме прочего, могло бы привести к размыванию нормативного содержания конституционных норм и институтов, находящихся под повышенной правовой защитой.

К тому же важно учитывать, что стабильность Конституции РФ, в т.ч. ее фундаментальных положений, сочетается с потенциалом ее динамизма, развития. Социокультурный динамизм относится в этом плане к ключевым факторам устойчивости конституционных норм с точки зрения неизменности прежде всего их т.н. ядрового текстового содержания. Более того, незыблемые положения основ конституционного строя, прав человека и гражданина оказывают существенное влияние в т.ч. на сферу, пределы дискреции законодателя в части конституционных поправок⁸. Соблюдение своего рода «иерархичности» в процессе изменений текста Конституции РФ можно рассматривать, как свидетельствуют в частности и зарубежные исследования⁹, в качестве некоего критерия конституционности таких изменений: ведь они (эти поправки) не должны не только формально, структурно вторгаться в содержание соответствующих глав, но недопустимо их предметно-материальное противоречие с теми базовыми, неизменными ценностными ориентирами, которые законодатель поместил в «неприкосновенные» главы. Согласно этим подходам должно анализироваться нормативное значение соответствующих положений, воплощающих фундаментальные конституционные положения государств, их правовых систем.

⁷ Именно такое мнение высказал один из сопредседателей Рабочей группы по подготовке поправок к Конституции РФ (см.: Коммерсант. 2020. 10 февр.).

⁸ Эта идея перекликается с т.н. доктриной Basic Structure Doctrine, основным тезисом которой является ограниченность компетенции парламента государства по изменению определенных конституционных норм и правил (см. об этом: *Calvin Liang and Sarah Shi. The Constitution of Our Constitution: A Vindication of the Basic Structure Doctrine // Singapore Law Gazette (August 2014)*).

⁹ См.: *Dainius Žalimas. Hierarchy of Constitutional Principles as Criteria of Constitutionality of Constitutional Amendments // Presentation to the XVII-th Congress of the Conference of the European Constitutional Courts "Role of the Constitutional Courts in Upholding and Applying the Constitutional Principles"* [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2017/09/hierarchy-of-constitutional-principles-as-criteria-of-amendments_batumi2017.pdf (дата обращения: 30.01.2020).

Особую актуальность приобретают проблемы правового обеспечения незыблемости фундаментальных аксиологических характеристик конституции в условиях новых вызовов праву, кризиса современного конституционализма. Возможно, не в последнюю очередь по этой причине и конституционная реформа 2020 г. была задумана с ориентацией на решительное социокультурное развитие Конституции РФ – в своей основе, в русле выработанных по этим вопросам правовых позиций КС РФ – при бережном отношении к незыблемым основам конституционного строя, правам человека и гражданина, хотя нельзя не признать, что ответы на такого рода вызовы не могут не соприкасаться с «вечными» идеалами государственного устройства.

3. Современные вызовы праву – угроза фундаментальным началам конституционализма: глобализация или суверенизация? Право как уникальное явление цивилизации воплощает в себе, говоря языком И. Канта, «самое святое, что есть у Бога на земле». Сегодня, однако, его «святость» проходит испытания в виде новых, невиданных ранее вызовов. Одновременно это и угрозы фундаментальным началам современного конституционализма и в конечном счете всей современной цивилизации права¹⁰. Динамика социально-правовой жизни такова, что происходящие в ней перемены актуализируют проблемы бытия права сквозь призму «присутствия» в нем неюридических (социокультурных, нравственно-этических, конфессиональных и т.п.) факторов и явлений. В итоге на первый план выходит вопрос о «над-юридических» началах права, глубинных предпосылках перемен в современной правовой жизни, их влиянии на базисные основы современного конституционализма.

Для уяснения этих проблем важное значение имеет осознание того факта, что в основе сегодняшних вызовов лежит не политико-идеологическая борьба в классических формах ее проявления, характерных для XX в., а социокультурное противостояние цивилизаций и их конституционно-правовых систем. Фактически речь идет о новой транснациональной идеологии, которая трансформируется в противоборство цивилизаций, включая противостояние национально-этнических, религиозно-конфессиональных идей и конкуренцию конституционных ценностей, национальных и наднациональных юрисдикций, а в конечном счете – противостояние конституционных моделей мироустройства в условиях глобализации. Одним словом, социокультурное противостояние в современном мире неизбежно проявляется в т.ч. на конституционном уровне. Это тем более актуально в условиях кризиса современного международного права, его неспособности быть эффективным

инструментом формирования нового миропорядка в эпоху глобальных перемен. В этих условиях опережающее развитие национальных конституционных институтов в соотношении с нормами и принципами международного права приобретает во многом закономерный характер. Это в полной мере проявилось и в поправках к Конституции РФ 2020 г., где содержится немало принципиально важных положений международно-правовой, социокультурной ориентации.

Вместе с тем отнюдь не надуманным является в нынешних условиях вопрос о том, действительно ли глобализация, социокультурное противостояние цивилизаций способны оказать столь значительное влияние на современную правовую жизнь, чтобы это могло предопределить необходимость (и, возможно, неизбежность) пересмотра фундаментальных основ современного конституционализма, изменить значение национальных конституций и признаваемых ими конституционных ценностей?

При поиске ответов на эти вопросы важно уяснить, какой смысл вкладывается в социокультурное цивилизационное противостояние и в само понятие правовой глобализации? Каково сегодня реальное, а не декларативное отношение к этим явлениям на Западе? Показательна в этом отношении позиция США, выраженная в словах ее Президента Д. Трампа: «Мы отвергаем теорию глобализма и верим в доктрину патриотизма. <...> По всему миру ответственные страны должны противостоять угрозам суверенитету не только со стороны глобальных правительств, но также и иным новым формам соправительства и доминирования»¹¹. Глобализму, таким образом, жестко противопоставлены идеи государственного суверенитета и патриотизма.

В конституционно-правовом измерении это предполагает, что в условиях необъявленной войны социокультурных цивилизаций значение конституций, получающих в них закрепление национальных ценностей, высших государственных интересов не только не ослабевает, а напротив, возрастает. Более того, сами глобализационные процессы могут и должны рассматриваться сквозь призму не приоритета норм международного права над конституцией (а для США – и над национальным законодательством), а в соответствии с конституционным требованием государственного суверенитета. В этих подходах, провозглашающих антиглобализм, национальный патриотизм в качестве государственной политики – проявление нового взгляда не только на расстановку приоритетов в соотношении

¹⁰ См. об этом: Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015; Его же. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018.

¹¹ Выступление Д. Трампа на Генеральной ассамблее ООН 25.09.2018 г. URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html>

универсальных и национально-специфических начал в конституционном регулировании, но и на степень императивности норм международного права в их соотношении с национальными конституциями в современном миропорядке.

При этом важно учитывать, что признание безусловной ценности суверенитета как основы современного миропорядка актуализирует проблему конкуренции фундаментальных конституционных положений, лежащих в основе современных процессов глобализации. В частности, игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии, в основе которой – «юрисдикция силы», а не сила права, не конвергенция, сближение правовых систем, как нам еще недавно казалось. Правоглобализация, сопровождающаяся взаимным переплетением, диффузией внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов, противоречий, напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные ориентиры их развития и защиты.

Одновременно важно учитывать, что получающие все более противоречивые формы своего проявления процессы социальной, правовой глобализации ведут не к усилению взаимопонимания, преодолению различий, усилению равноправия, а к расслоению, углублению пропасти неравенства как во внутригосударственном плане, так и на межнациональном уровне, в юрисдикционной сфере, где противопоставление наднациональных юрисдикционных механизмов с их политизированными двойными стандартами национальным конституционным требованиям по защите прав человека и гражданина приобрело особую остроту.

С этой проблемой, которую можно сформулировать как *глобальный дефицит конституционного равенства*, связаны ныне, пожалуй, наиболее острые противоречия, представляющие наибольшую угрозу для права и напрямую затрагивающие сущностные начала современного конституционализма. Для осознания этого обстоятельства важно уяснение самой природы конституционного равенства, его глубинных характеристик не только как принципа, исходного основания всей системы правового регулирования, особого правового режима, основанного на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такой всеобъемлющей категории, в которой воплощаются сущностные характеристики права как равной для всех меры свободы. Соответственно, дефицит конституционного равенства как глобальный вызов современной правовой жизни способен деформировать

не только любую национальную систему законодательства и сферу правоприменения, но и саму природу права, поставить под вопрос его регулятивные возможности.

Что же касается самого по себе кризиса конституционного равенства, то он имеет в своей основе внеправовые, метаюридические корни. Речь идет прежде всего о приобретающем все более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными государствами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства и углубления политической дифференциации современного плюралистического общества, что угрожает основам социальной и политической стабильности демократического развития современных государств, – один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравенства – прямой путь к социальным потрясениям и революциям. При этом очевидна эрозия традиционных, классических представлений о ценностях современного конституционализма, которая затронула все пласты содержательных характеристик института конституционного равенства: нормативно-правовые, нравственно-этические, социально-экономические, национально-этнические, демографические, пространственно-территориальные, религиозно-конфессиональные.

Преодолению этих тенденций в какой-то мере должны способствовать социально-ориентированные поправки к Конституции РФ, которые имеют целью не закрепление новых социальных прав, а конкретизацию механизмом решения определенных ст. 7 Конституции РФ задач по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. На это направлены, в частности, новые положения о создании условий для повышения благосостояния граждан, обеспечении взаимного доверия государства и общества, сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1), о системе пенсионного обеспечения граждан, функционирующей на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ч. 6 ст. 75), адресной социальной поддержке граждан и индексации социальных пособий и иных социальных выплат (ч. 7 ст. 75) и т.п.

С проблемой дефицита конституционного равенства напрямую связан и другой вызов фундаментальным началам современного конституционализма. Речь идет о *деформации социокультурных*

начал в праве, отрыве системы нормативно-правового регулирования от нравственно-этических основ.

Сегодня очевидны попытки придать праву значение одного из основных орудий взаимодействия и сотрудничества, а санкционно-конфронтационного противоборства, социокультурного противостояния. В этих условиях, по существу, наблюдается новая волна политизации права, ее, своего рода, «культурно-идеологическая» политизация, когда в качестве неких общих, универсальных правовых стандартов выдвигаются представления о праве, конституционализме, свойственные одной конкретной культурно-правовой традиции. Как одна из реакций на эти процессы — непропорциональное усиление в отдельных государствах современного мира религиозных, этнонациональных, иных геополитических факторов правового регулирования. На этой основе — противоречивые процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная клерикализация права и конституций в других государствах мира — с другой. Очевидно, одна из этих крайностей превращает право в оторванный от реальных условий жизни регулятор, от важных для нее неправовых нормативов формальность. Вторая крайность способна опрокинуть верховенство права в соотношении с иными социальными регуляторами.

Между тем объекты конституционного воздействия по самой природе представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых человеческие поступки и действия публичной власти должны оцениваться прежде всего с позиций добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью. Глубинные основы духа любой конституции, претендующей на реальность, сосредоточены в ее сущностных характеристиках. Их выявление связано с погружением в противоречивую природу таких основополагающих явлений конституционной действительности как *свобода — власть — собственность* в их противоречивом триединстве. Одновременно, чем глубже культурологические, национально-исторические, нравственно-этические начала проникают в текст конституции, тем более действенным оказывается регулятивное влияние, в т.ч. в нормативно-правовом отношении, соответствующих конституционных положений, имея, однако, в виду одну важную оговорку: если при этом социокультурное наполнение текста конституции

не ведет к неоправданной идеологизации Основного закона.

Соотношение правовых начал с системой социокультурной нормативности напрямую сказывается на представлениях о фундаментальных началах Конституции РФ, их юридическом значении. Дефицит социокультурной нормативности неизбежно ведет к восприятию Конституции РФ как формально-юридического, технологично-инструментального акта, а не социально-правовой, социокультурной институции упорядочения современной жизни. В основе этого лежит иллюзорное представление об Основном Законе государства как некоем самодостаточном юридическом инструменте социальных преобразований, не обусловленном вытекающими из жизни общества его нравственными характеристиками, духовными началами. В то же время избыточность, своего рода профицит социально-политических, социокультурных начал нормативности в системе правового регулирования неизбежно сказывается на характеристиках соответствующих положений Основного Закона как норм прямого действия, обладающих высшей юридической силой и пользующихся повышенной защитой. Это в полной мере касается и «вечных» фундаментальных конституционных идеалов, если даже соответствующая избыточность не напрямую соотносится с нормативным содержанием самих по себе институтов конституционного строя, прав человека и гражданина. Важно при этом учитывать, что обеспечение баланса формально-юридических и социокультурных начал нормативности Конституции РФ — задача не только, а возможно, и не столько законодателя, сколько интерпретационная, относящаяся к полномочиям органа конституционного судопроизводства. Очевидно, что содержащийся в ЗаклЮчении Конституционного Суда РФ вывод о соответствии положений гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» не исключает необходимости последующего интерпретационного, правотолковательного анализа соответствующих новых положений, включенных в гл. 3–8 Конституции РФ и содержащих достаточно определенные социокультурные начала, с «вечными», неизменными началами основ конституционного строя, прав человека и гражданина. Тем более важно учитывать, во-первых, имеющую место дискуссию, развернувшуюся по этим вопросам не только в политическом¹², но и в научно-концепту-

¹² См.: Поправки обжалованию не подлежат // Коммерсантъ. 2020. 17 марта; Тогда спасали демократию, теперь — стабильность // Коммерсантъ FM. 2020.17 марта; Чем Конституционный Суд объяснил законность поправок к Основному Закону // Ведомости. 2020. 16 марта; и др.

альном плане¹³; во-вторых, особую актуальность конституционно-судебное истолкование соответствующих положений будет иметь по мере появления практики реализации поправок к Конституции РФ в их нормативном соотношении с корреспондирующими положениями гл. 1 и 2 Конституции РФ.

В связи с проблемой нравственно-этических начал права и одновременно в контексте новых вызовов, глобальных угроз конституционализму важно обратить внимание и на такую принципиальную особенность современного развития, как цифровизация, причем не только экономики (о чем сегодня чаще всего говорится), но практически всех сфер социально-правовой жизни. Современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в современном обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционного, влияния. Это нашло свое отражение и в поправках к Конституции РФ 2020 г., где в п. «м» ст. 71 теперь говорится, в т.ч. об обеспечении безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Постановка вопроса об оценке информационно-цифрового пространства сквозь призму ценностей конституционализма — это, с одной стороны, конституционализация информационно-цифрового пространства и, с другой — цифровизация самого по себе конституционного пространства. Сама сущность цифрового общества предопределяется не только его технологическими характеристиками, но, оставаясь под влиянием социальных регуляторов, она порождает новые, конституционно значимые проблемы, равно как и актуализирует традиционные. С этим неизбежно связано появление новых социальных противоречий, технологических неравенств, усиливаются риски злоупотребления правами, появление которых связано с информационной цифровизацией статуса личности, и т.д. Все это требует нормативно-доктринального,

в т.ч. конституционного, осмысления и последующего правового воздействия — как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, предоставительно-обязывающего плана¹⁴. Важность конституционной оценки современных технологий в правовой жизни предопределена объективно присущей их социальной противоречивостью. Пути решения этих проблем следует искать на основе последовательной приверженности ценностям конституционализма, его фундаментальным идеалам свободы и справедливости, всемерной охраны достоинства личности.

Исследование духовных начал Конституции РФ в меняющемся, в т.ч. цифровом, мире предполагает использование весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только научно аргументированных знаний о глубинных социально-правовых характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа, его сакральных характеристик на основе веры в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в Конституции РФ положений.

Это, однако, может по-разному проявляться (в т.ч. на уровне веры и основанного на ней доверия к конституционным идеям и идеалам) в различных, исторически сформировавшихся правовых системах.

4. Конституционные идеалы на развилке современных правовых систем: экономический прагматизм или социальная справедливость? Высокий удельный вес социокультурного, мировоззренческого наполнения фундаментальных идеалов конституционализма подтверждает тот факт, что при наличии общих представлений о конституционных идеалах, в т.ч. футуристического плана, имеют место различия как в их доктринальном, философско-правовом понимании, так и в практических подходах к реализации. Речь идет прежде всего о различиях по этим вопросам в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах.

Не касаясь исторического правогенеза, включая историю выбора Россией континентально-европейского пути правового развития¹⁵, важно учитывать в данном случае воспринятый от

¹³ См.: *Морщакова Т.Г.* Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. URL: <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zaklyucheniyyu-konstitucionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii/> (дата обращения: 01.04.2020); *Тамбов Р.* Пределы дискреции конституционного законодателя, или 10 вопросов к заключению Конституционного Суда. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/03/17/predely_diskreicii_konstitucionnogo_zakonodatela_ili_10_voprosov_k_zaklyucheniyyu_konstitucionnogo_su (дата обращения: 01.04.2020); Конституционная реформа 2020: первые вопросы к эскизу. URL: https://ilpp.ru/comment/adj_poslaniy (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁴ См.: *Бондарь Н.С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25–42.

¹⁵ На этот счет существуют, как известно, различные мнения и оценки (см., напр.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988; *Раймон Л.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009; *Синюков В.Н.* Российская правовая система. 2-е изд. М., 2012; *Марченко М.Н.* Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009).

римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, концентрации в ней нравственно-этических начал. Это не случайно: нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходном, генетическом плане «переведены», трансформированы с языка греческой философии в координаты точных юридических формулировок римского права; в дальнейшем эти процессы получили философско-мировоззренческое, методологическое обоснования посредством активного влияния на континентальное право классической немецкой философии.

В этом плане естественным выглядит то обстоятельство, что историческими особенностями формирования правовых систем во многом предопределяются их глубинные мировоззренческие особенности. Это получило свое подтверждение (в т.ч. в плане неизменности, «вечности» конституционных идей) на уровне как институтов публичной власти, так и субъективно-личностных начал современной правовой жизни, защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом, как это не покажется неожиданным, *публично-правовые идеалы, ценности власти* более подвижны, в большей степени подвержены изменениям, развитию, трансформации (в особенности под влиянием политико-идеологических факторов), чем *конституционные идеалы свободы*, основополагающими, системообразующими среди которых являются во многом ориентирующиеся не только на юридические нормативы идеи достоинства личности, справедливости, равенства.

Подвижность, динамизм конституционных идеалов власти, в т.ч. в их подчиненном соотношении с ценностями свободы личности, прав человека, получает свое подтверждение и в ходе конституционной реформы в Российской Федерации, когда проблемы организации и функционирования публичной власти в наибольшей степени были подвергнуты реформированию, определив основное содержание конституционных поправок. Не случайным является в этом плане и само наименование Закона РФ о поправке к Конституции РФ как Закона «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Этим подчеркивается тот факт, что все содержащиеся в данном Законе поправки к Конституции РФ напрямую связаны с теми или иными вопросами совершенствования организации и деятельности институтов публичной власти на различных уровнях их функционирования (федеральном, региональном, муниципальном). Но при всей важности проблем власти, включая перераспределение полномочий между высшими органами государственной власти, поиска баланса в процессе

их функционирования, очевидно, что решение этих вопросов не является самоцелью.

Одновременно важно учитывать, что при наличии национальных, исторических, философско-мировоззренческих различий между современными правовыми системами они не могут не иметь неких общих ориентиров функционирования. В конечном счете эти ориентиры и идеалы связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а своего рода общим знаменателем и одновременно ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений является универсальная категория общего блага. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценностей власти и свободы, публичных и частных интересов, имея в виду, что в конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а с другой — именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англосаксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма.

В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры взаимоотношений власти и свободы, в т.ч. при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой основе к достижению общего блага. Это — утилитаризм (экономическая полезность) и социальная справедливость¹⁶.

Для англосаксонской правовой системы характерен в этом плане последовательный утилитаризм. Генетически он связан с экономическими факторами, ориентацией на материальные выгоды, финансово-экономический успех, а в основе его доктринально-юридического обоснования лежат постулаты экономической школы права, включая идеи «конституционной экономики», получившие, кстати, недостаточно критическое восприятие в правовой науке Российской Федерации¹⁷. Безусловным критерием поиска баланса интересов и одновременно ценностным ориентиром достижения общего блага выступает в этом случае экономическая полезность принимаемых решений, в т.ч. на законодательном уровне. Поэтому

¹⁶ Подробнее об этом см.: Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Момотов В.В. Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков (Часть первая) // Росс. правосудие. 2017. № 12. С. 16–24; (Часть вторая). 2018. № 1. С. 35–48.

¹⁷ См. об этом: Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России; очерки теории и практики. М., 2017. С. 14–24.

и в нормоконтрольном, практико-прикладном аспекте предлагается исходить из того, что соотносимое с конституционными требованиями «право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены все известные интересы в конкретном правоотношении»¹⁸.

Очевидно, что культивируемый (в т.ч. на конституционно-правовом уровне) экономический прагматизм во многом предопределяет западную модель общества потребления. Критерием юридическим поиска баланса интересов выступает в данном случае уровень удовлетворения потребностей участников отношений. Однако, очевидно, что поиск баланса интересов, основанный на экономической полезности, материальной целесообразности, неизбежно связан с уровнем удовлетворенности, (не)достаточности благ. Для оценки этой ситуации вполне уместна формула, напоминающая крылатые слова одного из известных политических деятелей России: «Мало много иметь; нужно еще, чтоб хватало».

Поэтому в основе правовых, в т.ч. конституционно-судебных, подходов поиска баланса интересов должны лежать показатели, связанные не с координатами потребительской формулы «много-мало», а с понятием «достаточно». И своего рода мерой достаточности, баланса публичных и частных интересов является *категория справедливости*, которая выступает в этом случае одновременно конституционным критерием оценки общего блага, равно как и поиска баланса власти и свободы.

Исторически эти подходы связаны с особенностями романо-германской правовой системы, нормативное и доктринальное обоснование которой происходило на основе рецепции римского права. Нет преувеличения в том, что юридическое обоснование справедливости явилось одним из главных исторических достижений античной и средневековой юриспруденции. Не случайно специалистами давно отмечалось, что «ни одно из самых блестящих положений римского права не обещивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*. <...> Представляя собой с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое...»¹⁹.

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага,

предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную актуальность для конституционно-судебной нормоконтрольной деятельности и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции РФ. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости. Общее же благо необходимо рассматривать в данном случае за пределами арифметического суммирования благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права. В этом находит свое отражение тот факт, что философско-правовой основой ориентации конституционного судопроизводства на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью. Ее истоки – в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая ныне, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, т.е. философия целого, единого.

Национально-специфический подход Российской Федерации к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холистического правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо²⁰. Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминуемо предполагают необходимость поиска баланса публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в т.ч. в свете поправок к Конституции РФ 2020 г. Теперь Конституция РФ ориентирована на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства и одновременно социально значимого фактора конституционно оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ч. 6, 7 ст. 75; ст. 75.1).

¹⁸ Дедов Д.И. Указ. соч. С. 126, 127.

¹⁹ Кунт Т. История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.

²⁰ См.: Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др. Междисциплинарный центр философии права. «Круглый стол» «Пути развития философии права в России» // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 23–25.

В этих новых конституционных положениях получили реализацию также правовые позиции Конституционного Суда РФ, предполагающие, что конституционный принцип справедливости носит комплексный, по сути, всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность. В этом плане практика Конституционного Суда РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях: а) равенства стартовых позиций (постановления КС РФ от 15.05.2006 г. № 5-П, от 05.07.2017 г. № 18-П); б) справедливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (постановления КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П; от 13.05.2014 г. № 14-П); в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности: преодоления несправедливого равенства (постановления КС РФ от 11.07.2017 г. № 20-П; от 13.12.2016 г. № 28-П); преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11.12.2014 г. № 32-П); признания и уважения заслуг перед обществом и государством (Постановление КС РФ от 15.11.2011 г. № 24-П) и т.п. В обобщающе-статистическом плане уместно отметить, что практически в 2/3 постановлений (по состоянию на 01.01.2020 г. это – 415 постановлений из 594, принятых за соответствующий период) Конституционный Суд РФ использовал категорию справедливости в качестве критерия конституционности проверяемых нормативных правовых актов.

* * *

Предложенными подходами, естественно, не исчерпываются представления о неизменных фундаментальных конституционных идеалах и, тем более, многогранная практика их реализации, гарантирования «вечности» в сочетании с их социокультурным и нормативным динамизмом в меняющемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: Грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.
2. *Бондарь Н.С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 11. С. 25–42.
3. *Бондарь Н.С.* Экономический конституционализм России; очерки теории и практики. М., 2017. С. 14–24.
4. Выступление Д. Трампа на Генеральной ассамблее ООН 25.09.2018 г. URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html>
5. *Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В. и др.* Междисциплинарный центр философии права. «Круглый стол» «Пути развития философии права в России» // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 23–25.
6. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 506.
8. *Дедов Д.И.* Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003. С. 126, 127.
9. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018.
10. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015.
11. *Кипп Т.* История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.
12. Конституционная реформа 2020: первые вопросы к эскизу. URL: https://ilpp.ru/comment/adj_poslaniy (дата обращения: 01.04.2020).
13. *Марченко М.Н.* Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009.
14. *Момотов В.В.* Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков (Часть первая) // Росс. правосудие. 2017. № 12. С. 16–24; (Часть вторая). 2018. № 1. С. 35–48.
15. *Морщакова Т.Г.* Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. URL: <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zacklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoj-federatsii/> (дата обращения: 01.04.2020).
16. Поправки обжалованию не подлежат // Коммерсантъ. 2020. 17 марта.
17. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Росс. газ. 2020. 16 янв. С. 1–4.
18. *Раймон Л.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009.
19. *Румянцев О.Г.* 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 10–21.
20. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. 2-е изд. М., 2012.

21. *Tamaev P.* Пределы дискреции конституционного законодателя, или 10 вопросов к заключению Конституционного Суда. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/03/17/predely_diskreicii_konstitucionnogo_zakonodatelya_ili_10_voprosov_k_zaklyucheniyu_konstitucionnogo_su (дата обращения: 01.04.2020).
22. Тогда спасали демократию, теперь – стабильность // Коммерсантъ FM. 2020.17 марта.
23. Чем Конституционный Суд объяснил законность поправок к Основному Закону // Ведомости. 2020. 16 марта.
24. *Якобсон Г. Дж.* Неконституционная конституция? Сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4 (57). С. 145–161.
25. *Calvin Liang and Sarah Shi.* The Constitution of Our Constitution: A Vindication of the Basic Structure Doctrine // Singapore Law Gazette (August 2014).
26. *Dainius Žalimas.* Hierarchy of Constitutional Principles as Criteria of Constitutionality of Constitutional Amendments // Presentation to the XVII-th Congress of the Conference of the European Constitutional Courts “Role of the Constitutional Courts in Upholding and Applying the Constitutional Principles” [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2017/09/hierarchy-of-constitutional-principles-as-criteria-of-amendments_batumi2017.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
27. *Jaclyn L. Neo.* Should constitutional principles be eternal? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/opinion/should-constitutional-principles-be-eternal> (дата обращения: 13.03.2020).
28. *Preuss U.K.* The Implications of “Eternity Clauses”: The German Experience // Israel Law Review. Vol. 44. 2011. No. 3. P. 429–448.
29. *Roznai Y.* Unconstitutional Constitutional Amendments – The Limits of Amendment Powers. Oxford, 2017 (Part II. Ch. 4, 5).
4. *D.’s Speech Trump at the UN General Assembly 25.09.2018* URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html> (in Russ.).
5. *Huseynov A.A., Stepin V.S., Smirnov A.V. and others.* Interdisciplinary center for the Philosophy of Law. “Round Table” “Ways of development of philosophy of law in Russia” // Russ. journal of legal research. 2017. No. 1 (10). P. 23–25 (in Russ.).
6. *David R.* Basic legal systems of modernity. M., 1988 (in Russ.).
7. *Dal V.I.* Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version. M., 2000, P. 506 (in Russ.).
8. *Dedov D.I.* The common good as a system of criteria for legitimate regulation of the economy. M., 2003. P. 126, 127 (in Russ.).
9. *Zorkin V.D.* Law against chaos. 2nd ed. M., 2018 (in Russ.).
10. *Zorkin V.D.* Civilisation of law and development of Russia. M., 2015 (in Russ.).
11. *Kipp T.* History of sources of Roman law. SPb., 1908. P. 8 (in Russ.).
12. Constitutional reform 2020: first questions to the sketch. URL: https://ilpp.ru/comment/adj_poslaniy (accessed: 01.04.2020) (in Russ.).
13. *Marchenko M.N.* Legal systems of the modern world. 2nd ed. M., 2009 (in Russ.).
14. *Momotov V.V.* The principle of justice and expediency in the institutions of Anglo-American and continental-European legal order (Part one) // Russ. justice. 2017. No. 12. P. 16–24; (Part two). 2018. No. 1. P. 35–48 (in Russ.).
15. *Morshchakova T.G.* Comment to the conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020. URL: <https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zaklyucheniyyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/> (accessed: 01.04.2020) (in Russ.).
16. Amendments are not subject to appeal // Коммерсант. 2020. March 17 (in Russ.).
17. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation // Russ. newspaper. 2020. 16 Jan. P. 1–4 (in Russ.).
18. *Raimon L.* Great legal systems of modernity: a comparative legal approach. 2nd ed. M., 2009 (in Russ.).
19. *Rumyantsev O.G.* 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation: lessons of history, prospects of development // Journal of constitutional justice. 2014. No. 2. P. 10–21 (in Russ.).
20. *Sinyukov V.N.* The Russian legal system. 2nd ed. M., 2012 (in Russ.).
21. *Tamaev R.* Limits of discretion of the constitutional legislator, or 10 questions to the conclusion of the constitutional Court. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/03/17/predely_diskreicii_konstitucionnogo_zakonodatelya_ili_10_voprosov_k_zaklyucheniyu_konstitucionnogo_su

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* Draft laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation: is the fourth round coming? // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 1. P. 31–44 (in Russ.).
2. *Bondar N.S.* Information and digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2019. No. 11. P. 25–42 (in Russ.).
3. *Bondar N.S.* Economic constitutionalism of Russia; essays on theory and practice. M., 2017. P. 14–24 (in Russ.).

- go_zakonodatelya_ili_10_voprosov_k_zaklyucheniyu_konstitucionnogo_su (accessed: 01.04.2020) (in Russ.).
22. Then they saved democracy, now they save stability // Kommersant FM. 2020.17 March (in Russ.).
 23. How did the constitutional Court explain the legality of amendments to the Basic Law // Statements. 2020. March 16 (in Russ.).
 24. *Jacobson G.J.* Unconstitutional Constitution? Comparative review // Comparative constitutional review. 2006. No. 4 (57). P. 145–161 (in Russ.).
 25. *Calvin Liang and Sarah Shi.* The Constitution of Our Constitution: A Vindication of the Basic Structure Doctrine // Singapore Law Gazette (August 2014).
 26. *Dainius Žalimas.* Hierarchy of Constitutional Principles as Criteria of Constitutionality of Constitutional Amendments // Presentation to the XVII-th Congress of the Conference of the European Constitutional Courts “Role of the Constitutional Courts in Upholding and Applying the Constitutional Principles” [Electronic resource]. – Access mode: https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2017/09/hierarchy-of-constitutional-principles-as-criteria-of-amendments_batumi2017.pdf (accessed: 30.01.2020).
 27. *Jaclyn L. Neo.* Should constitutional principles be eternal? [Electronic resource] – Access mode: <https://www.straitstimes.com/opinion/should-constitutional-principles-be-eternal> (accessed: 13.03.2020).
 28. *Preuss U.K.* The Implications of “Eternity Clauses”: The German Experience // Israel Law Review. Vol. 44. 2011. No. 3. P. 429–448.
 29. *Roznai Y.* Unconstitutional Constitutional Amendments – The Limits of Amendment Powers. Oxford, 2017 (Part II. Ch. 4, 5).

Сведения об авторе

БОНДАРЬ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда Российской Федерации; 190000 г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

Authors' information

BONDAR Nikolay S. – Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation; 1 Senatskaya square, 190000 Saint Petersburg, Russia